

Средство от холеры философа Хомякова

«Лекарство мое – полрюмки чистого дегтя и столько же конопляного масла»

Историософ, поэт, драматург, публицист Алексей Степанович Хомяков (1804–1860).

Алексей Хомяков. Автопортрет. 1842. Музей-заповедник «Абрамцево»

Евгений Стрелков
Нижегород

«Жара смертельная, – писал Алексей Степанович Хомяков

другу Попову летом 1848 года, – холера сильнее, чем когда-нибудь, все перепуганы, и даже те, которые к испугу не очень способны, тревожатся невольно от

беспрестанных толков, от которых отбиться невозможно. Медицина отвратительна по какому-то грубому равнодушию медиков... Я не могу добиться, чтобы кто-нибудь из них решился хоть испытать простое лечение следующим средством: *morpii acetici* с лавровишневой водой и в то же время клистиры из крахмала с опиумом».

Хомяков, теоретик, поэт, публицист, богослов, философ, основоположник славянофильства, вдруг бросившийся в лечебную практику, не устает изобретать панцею. Вот рецепт из письма к другу Веневитинову: «Лекарство мое – полрюмки (десертной или лической) чистого дегтя и столько же конопляного масла. Это останавливает холеру почти мгновенно и производит сильный пот. Случается, но редко необходимость повторить половинный прием этой же смеси через восемь часов, а еще реже через сутки». Лекарство это, как уточняет Хомяков, «найдено эмпиризмом крестьян, а же имею ту заслугу, что сознательно его изучил и усовершенствовал именно примесью масла и распределением приемов».

Хомяков верен себе. Как-то в другой раз он «увершил» паровую турбину, посчитав, что теперь она будет бесшумной. Отправил на Лондонскую всемирную выставку 1851 года. Та надела там немало шума. Буквально – обыватели жаловались устройству выставки на страшный грохот от механизма. Еще как-то раз Хомяков изобрел ру-

жье, под которое никак не могли изготовить пули...

Усадебный то ли кулибин, то ли пагаль, доморощенный (в прощаньях и чашках под посвист филомелы) философ, не могущий философски взирать на людские муки. Увлекающийся первым, что приходило в голову (или падало под руку), – страстно. С нарастающей подробностью своих увлечений, порой напоминавших фантастический сон. «Лечение следующее: прием по возрасту дежтарной смеси, растирание тела перцовкой с крапивой или другим жгучим составом; горчичник или хрен на живот; питье парного молока или, по недостатку его, тепловатой отварной воды, или миндального молока, и строжайшее запрещение холодной воды или кваса на несколько дней... Холодное питье – совершенный яд: оно убивает иногда мгновенно и никогда не проходит даром».

Хомяков категоричен в своей уверенности: «Успех этого лечения несомненен... Этот успех так велик, что я смело взялся бы прекратить холеру в неделю в любой столице. Но для прекращения ее еще одно правило необходимо: как скоро кто-нибудь заболел, лечить его или дома, или в больнице и тотчас всему дому от первого до последнего жильца давать три дня предохранительное средство... Это ежедневный прием в ложке воды трех или пяти капель спиртового раствора камфары, три грана камфары на стоф спирта».

Удивительный набор «средств» Хомякова – деготь и камфара, лавровишневая вода и

опиум, спирт и крапива, деготь в «десертной или лической» рюмке, парное молоко – при строжайшем запрете кваса. Будто пародийно сошлись поэтические и политические ингредиенты сознания просвещенного помещика, утонченного знатока языков и народов, заядлого охотника и практика непоседы. Математика по университетскому образованию, поэт и сочинитель пьес, переводчика и публициста. Летнего обитателя и владельца села Богучарова под Тулой, где у Хомякова дымил винокуренный завод и шумели фруктовые сады.

Хомяков принимал участие в проектировании веялок и теплиц, плуга и снегокатчика, а также богучаровской Сретенской церкви. И церковь 1840 года постройки, и деревянный, еще родительский усадебный дом удивительным образом сохранились до наших дней (в доме ныне филиал Тульского историко-архитектурного музея). Так же как сохранились (изрядно обмелевший) пруд и (чрезмерно заросший) парк. Там, на дорожках и полянах парка, Алексей Хомяков придумывал стихи («Желание», «Думы», «Заря», «Сон», «Ключ», «Мечта», «Русская песня»...) и статьи «о старом и о новом», принимал друзей-славянофилов, гулял с детьми и женой Екатериной Языковой, сестрой другого известного поэта. Словом, усадебничал в свое и других удовольствие и пользу – пока не пришла холера.

Нет особой нужды напоминать сейчас, что ни деготь, ни опиум – никакие не средства

против холерного вибриона. Тех, реально действенных средств, тогда вовсе не было, да и быть не могло. Они появились десятилетия спустя усилиями немца Роберта Коха и многих других врачей-ученых.

И можно улыбаться (сквозь слезы, ибо такова тема) по поводу советов и рецептов Хомякова – и по поводу горячности их автора. Но нельзя не преклоняться перед благородными устремлениями, готовностью к действию и самопожертвованию нашего героя. Алексей Степанович Хомяков смертельно заразился холерой во время своих лечебных экспедиций в 1860 году в селе Ивановском под Рязанью. Лечение дегтем и конопляным маслом не помогло.

Двенадцатью годами раньше он писал другу Попову: «Это дело нешутное: миллион народа или около того уже не считается Россия, скольких еще похитит болезнью у нас и в Европе, неизвестно. Быть может, я ошибаюсь и принимаю за общий специфик лекарство, которого успех зависит от местных причин, но множество обстоятельств заставляют меня верить в совершенно специфическую силу этого лечения... И если я прав, то холера перестанет быть бычком так же, как и оспа. Дай Бог, чтобы это было так!»

Ему и посвящая свой маленький поэтический оммаж.

Евгений Михайлович Стрелков – радиолог, художник, поэт, историк науки, лектор Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.

Хомяков homage

1. В Богучарове

Любезный Хомяков,
Покорнейше прошу
Присоединиться к нашей
камарилье,
Поблудничать, пошушукаться,
попить чайку ли под местное варенье – а не варенье, так под говоренье.

Отчетливо звучит
ночной мотив
пичуги трепетной,
устрашая на дощатой
– отечество, отчаянье,
обрыв – скамье, тетрадь поспеши
отворив,
высквицаешь нужные цитаты.

История, Россия, удила,
И конь-огонь зрачком
недобро косит.
И как дела – еще не родила?
И где тебя, отчизна,
черти носят?

Как в три котла
с парным, да с кипятком,
А до того – с студеною
водицею
Иван-дурак, так ты дурным
скачком:
Опричина, раскол –
да в революцию?

Отечество... отчеркнул
календарь.
Прочь, меланхолия,
реальны наши цели:
из рабства – до сияющей
купели,
Община, земство, улица,
фонарь...

Отчерчено, и полоса зари
Расстала в сущем эфире,
И черные стволы-богатыри
шастром ветвей
пространство расчертили.

И Богучарово лежит
ночным бугром,
И чары осени наброшены
на тропы.
И Богу – Богово, и Русь тугим
ядром
Напряжена под скорлупой
Европы.

2. Утро

Дало ли много знание языков,
Любезный Хомяков?
Или, как брат Языков,
Ты безязык, а в
молчаливости своей
расчерчен,
как станциями
паровозный путь?
Европа? Азия?
Бредешь куда-нибудь
Ночной аллеей заблудившего
парка.
И парка
Ткань плетет, и свищет
филомела,
несмело
мысль сквозит
о старом и о новом,
и о том, что за волною
мысленных морей земля есть
и над той землею
сияет дивной красотой
разумной жизни эмпирией...

Алексей Хомяков: «Эврика! Холера меня задела заживо опустошениями, которых полный размер еще не известен (я его полагаю с лишком в миллион убылых), что я ополчился на нее решительно». 28 июля 1848. Богучарово

Но вот меж ноцью и днем
На небе бледно-голубом
Смешением пламени и хлада,
Слиянием небес и ада,
Где сплетены лучи и тьма.
Заря, волшебная прохлада
Разгоряченного ума,
Восходит.
На тебя нисходит
покой.

Как сладко быть в природе,
в громах, вихрях и непогоде
пространство неба прорезать,
мечту и радость осязать.
Там языков не нужно много,
Един для всего от Бога
Для всех явлений дан урок.
Стремись к его припоминанью,
Умом, дыханьем и гортанью
Трепещешь ты, как мотылек.

И вот заря уже накрыла
Полмира...

3. Мысль

И ранними и поздними
дождями
вспоенная, внезапно
к небесам
она взойдет – есть музыка
над нами,
прислушайся,
ее услышишь сам.
Она взойдет, как ночь,
темна ветвями,
Краса земле и будущим
векам,
Счастлива мысль:
есть истина над нами,
огромная, подобна облакам.
На звонкий пир в элизиум
туманный
людской молвы приветная
весна
не распахнет вокзала шар
стеклянный,
но под павлиний крик
и рокот фортепьянный
наполнится энергией она.
Ее ростки вспоят младая
сила,
Ее цветки раскрасит
утра пыл.
Счастлива мысль,
которой не светила
обманная игра исчисленных
светил.

4. Усталый труженик

Склонившись к звонкому
ручью,
Стремясь всей грудью,
грудью жадной
Вдохнуть вечернюю струю,
Испить глоток воды
прохладной,
Стереть дневного зноя пот,
Стряхнуть ярмо
дневных забот,
Взглянуть на плуз свой
многорядный
отброшенный.
В тени отрадной
среди ветвей,
исмученный чредой работ,
обыденной и зурядной,
забыться под журчанье
вод...

5. В альбом

Не чуждый бедствиям
земным
вдруг увлечешься неземным,
когда возникнет ткань
сюжета:
наброски, замыслы, стихи
или свободные стихии
воды и света.

И прочь тоску под
черной думой!
Ночной печали след угрюмой
сретет жемчужная слеза.
Воспламенен огнем желанья,
ты меж кулисами страданья
уже, и ты стремишься за...

И полон светлыми
мечтами,
паришь ты мыслью
над звездами.

Глядишь как частный серафим,
согласный с жребием своим.

6. По пути в Англию

Как в бурном море за волною,
ревя как вол, бежит волна.
Как в мутном небе пеленую
окружена дрожит луна,
и неземная желтизна
ее – как залп перед войною.
Так плыли мы, влекомы роком,
не оксвернив уста упреком
стихию вод.

И вот
как счастья светлого
виденье,
порой манящее вдали,
в клубах открылось
просветленье,
и очертание земли,
куда влекло нас Провиденье.

Утихло...
Синева небес полещется
в волне.
И вымпела косой отрез
трепещет в вышине.

И мачта клонится,
и полнится мечта,
и чайка резвая, как гения
черта,
чиркнувшая итог
прошедшей бури,
коснувшись пенных вод,
растаяла как лед,
в пылу пленительной лазури.

7. Мотив

Не распахнутся небеса,
Не снидет чистая роса
К тебе поэзии священной,
Когда, тишею искусственной,
Суетность мира полюбов,
Ты позабудешь свой мотив
Изысканный и вдохновенный.
Тогда потерей ослепленный,
Увянешь ты, как эфемера
Цветок, что тронут
был дождем

2. Алексей Хомяков: «Заметьте, как тесно сплетается существование с несуществующим в пространстве, мнимо-реальное с мнимо-нереальным, и как тесна связь пространства со временем».

Иллюстрации из книги Алексея Хомякова «Письма о холере». Тульский историко-архитектурный музей, серия «Старая тульская аптека». Составление и дизайн Алексея Домбровского

Единожды – а перерыва
Ни он, ни ты – не переждет.
И стебель тающий иссохнет
Под терном помыслов земных,
Когда в душе твоей заглохнет
Мотив.

8. Элегия

Как в бурном море за волною
шумя к брегам бредет волна,
так неистинны над землею
промчались смертных
племена
и опустели стремени
их лав. И долу стремени
склонились. И письмена
забылись.
Часы пройдут, дни и ночи
и годы за долами влед,

то, что грядет, –
то все короче,
а прошлое – его уж нет.
Лишь звезды стройною
громодой
с небесной блещут высотой,
да дует ветер, да за оградой
журчит ручей, да ветви сада
среди томления и тшеты
колышат робкие мечты.

9. Заря

Когда восстанет
в тьме ночной
Вся роскошь дивная создания,
Придет поэту час
страданья,
Бес ослепления и терзанья –
Бессилеи выразить душой
Задумчивой он звездный рой
(И долиной лозы прозябанья),
Мир целый образов и снов...
Он рвется к звукам,
ищет слов,
Но песен нет ему в нараду
И вдохновения отраду
не пригубить душе немой...

Однако только Феб скупой
чуть приподнимется от ложа,
В груди бессильной и пустыи
Вмиг обнаружится пропажа:
Сверкнет искрою
вдохновенье,
Вновь чудной силы грудь
полна,

И летящая стройно
песнопенье,
И пенит струи в озареньи
сладкоречивая волна.

Монолог к Алексею Степановичу Хомякову по поводу эпидемий и лекарств

Холера, милый Хомяков,
такое дело, что сера
или к примеру
деготь
тут не помогут.
Стало быть, рецепт
твой, брат, в расчет
я брать пока не буду,
а вот природу
эпидемий, сих напастей

готов пообсуждать,
чтоб страсти
унять.

Холеры той источник
– вибрион,
читай: бактерия.
Сейчас же враг
наш – вирус.

Его колючий ворс
тот вирус с клеткой,
как репей, сцепляет
и затем внедряет
вирусово семя
в наследственную
нашу нить,
что скручена в молекуле
специальной.

И вируса заряд
за рядом ряд свое подобье
в той нити множит,
больные клетки нас
тревожат:
температура, кашель,
кровь
становится другой:
в ней мало кислорода,
итог плачевен для больного,
он задыхается...

К тому же, кашляя,
тот вирус отправляет
к новой жертве.

Как тут спастись?
Принципиальных путей,
считай, что два.
Первый: спутать программу
вируса – столкнуться
ее с пути
стандартного и перепутать
карты.

Как у Жаккарда
в станке, представь,
в программной перфокарте
дыры лишние пробить
– станок начнет дурить
и остановится.
Другой путь: вынуть
целиком цепь вируса
из нити наследственной,
что дремлет в нашей
клетке.

Тут ножницами могут
послужить мельчайшие
структуры,
что изобрели твои,
любезный Хомяков, потомки
– генетики. И если
извлечем обломки
вируса из клетки,
то ее спасем.
Это сложно, но можно.
Мельчайшие белки-ферменты
сами найдут порочные
фрагменты
в цепи, их вырежут
и выметут из клетки вон,
как мусор за порог.

А деготь? Деготь для дорог.
Мы будем впрок им
смазывать колеса,
колодезные ворота,
дверные петли,
чтоб не скрипели.
А для лечебных целей
иных лекарственных изделий
придет пора,
когда из доброго зерна науки
проклонутся поля
живительных ростков.
И твои внуки
дождутся их,
любезный Хомяков.